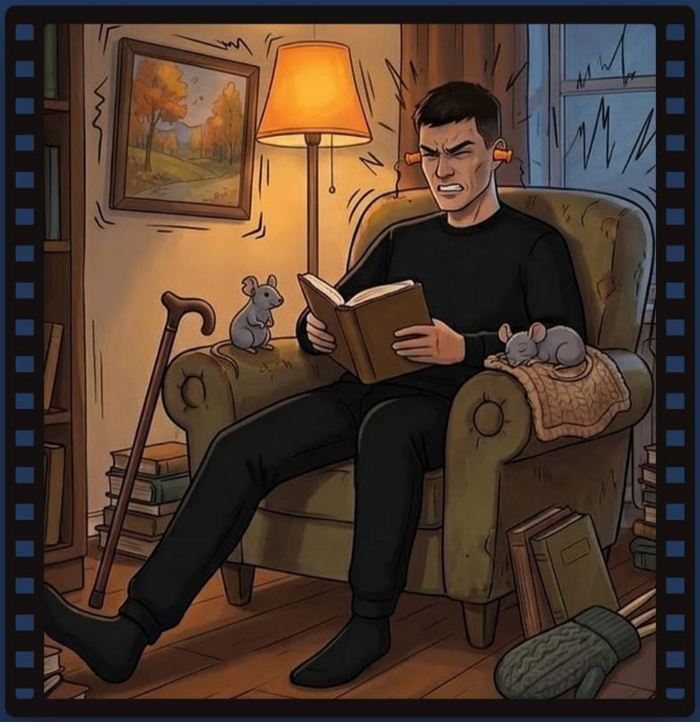
МИЯ ПАЛМ



Хлопушка

Рекорд

осенняя история с барабаном

Мия Палм
Хлопушка: Рекорд

https://litres.ru/74899012
SelfPub; 2026

Аннотация

Соседи у Марка не задерживаются. Обычно хватает слова «тихо» и одного взгляда исподлобья.

Но за стену въехал барабанщик. Он не обиделся, не пожаловался и не съехал — вместо этого подарил соседу беруши, а после внезапного отключения света устроил концерт при свечах и собрал лайки. За девять дней Марк спустил в дело всё, что берёг годами, — и впервые долго не мог признать простую вещь: тишина, на которую он так рассчитывал, перестала радовать.

А потом хозяйка вложила ему в ладонь запасной ключ. Новая жилица въезжает сегодня.

Содержание

День первый	4
День второй	7
День третий	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Мия Палм
Хлопушка: Рекорд

День первый

Барабанщик въехал в среду, в половине одиннадцатого вечера.

Марк узнал об этом не сразу. Сначала он заметил, что в лифт пытаются запихнуть что-то большое и круглое. Лифт сопротивлялся. Большое и круглое тоже. Потом на площадке седьмого этажа раздался молодой голос, полный оптимизма:

— Ничего, бочка пролезет! Бочка у меня гибкая!

Марк сидел в кресле с книгой и смотрел на стену. Стена была общая с квартирой напротив, а квартира напротив пустовала уже две недели. Две прекрасные недели. Марк успел к ним привыкнуть.

Бочка пролезла. За бочкой пролезли ещё три барабана поменьше, стойка, две медные тарелки, которые звенели при каждом шаге, и табуретка. Табуретка, судя по звуку, была важнее всего остального, потому что её несли отдельно и с любовью.

Из старой варежки у кресла высунулся Бухгалтер. Бухгалтер был мышью. Серый, с порванным ухом и характером начальника отдела. Марк работал дератизатором, ловил мы-

шей живьём и вывозил за город. Но некоторых выпустить так и не смог. Бухгалтера, например, он достал из бухгалтерии, толстого Пельменя из пельменной, а двух сестёр Ипотек из отделения банка. Всего таких набралось четырнадцать. Они жили в большой клетке с колесом, и только Бухгалтер, как начальство, считал, что клетка не для него. Варежек было две, старые и давно списанные. В левой Бухгалтер спал, в правой хранил ценности. Отвоевал он их у Марка ещё позапрошлой зимой, и с тех пор Марк ходил в перчатках.

— Барабаны, — сказал ему Марк.

Бухгалтер пошевелил усами. Это его не касалось. Пока.

В одиннадцать сорок за стеной раздалось первое «бум».

Оно было негромкое, пробное, как кашель перед речью. Потом «бум-бум». Потом «тс-тс-тс». А потом, без всякого предупреждения, за стеной началось то, что сосед, видимо, считал музыкой, а дом — судя по тому, как задребезжали стёкла — землетрясением.

Марк закрыл книгу. Посмотрел на часы. Встал, взял трость и пошёл к двери.

Шаг первый. Вежливое предупреждение.

* * *

Дверь открыл парень лет двадцати. Высокий, лохматый, в растянутой футболке с надписью «Я НЕ ГРОМКИЙ, Я ЭКСПРЕССИВНЫЙ» и с барабанными палочками в руке. Палочками он, кажется, продолжал отбивать ритм даже сейчас, по дверному косяку.

— О! — обрадовался он. — Сосед! Вадим. Можно Вадик. Можно Ударник. Я в колледже учусь, на эстрадном. Слышал, да? Нормально звучит в этой коробке, скажи? Акустика тут бомба.

Марк посмотрел на него. Взгляд исподлобья у Марка был отработан годами. Под этим взглядом соседи обычно вспоминали, что им срочно надо в магазин, к маме или в другой город.

— Тихо, — сказал Марк.

Это была вся речь. Одно слово, один взгляд. Обычно хватало.

Вадик подумал. Покрутил палочку в пальцах. Лицо у него просветлело.

— А, ну да! — Он хлопнул себя по лбу палочкой. — Ты прав, чувак. Слишком громко на бочке. Я подушку туда положу. Будет мягче. Глуше. Как в студии.

Он закрыл дверь. Через минуту за стеной снова грохнуло, только теперь с глухим подушечным оттенком. Как будто землетрясение завернули в одеяло.

Марк вернулся в кресло. Бухгалтер сидел на подлокотнике и смотрел на него с выражением, которое у людей называется «ну-ну».

— День первый, — сказал Марк.

День второй

Ко второму дню Марк выучил весь репертуар.

Утром Вадик разминался: «тс-тс-тс» по тарелке, ровно, как метроном, сорок минут. Днём уходил на учёбу, и это были лучшие часы в жизни Марка. В шесть вечера возвращался и разучивал что-то сложное, с ошибкой в одном и том же месте. Ошибка была на двенадцатом такте. Марк это знал, потому что считал. Слух у него был один на миллион: ещё в детдоме воспитательница прочила его в музыкальную школу. В музыкальную школу Марк так и не пошёл. Теперь она пришла к нему сама, через стену. А в одиннадцать вечера начинался «концерт для себя»: без метронома, без ошибок и без всякой совести.

На второй день Марк повторил шаг первый. Позвонил в дверь, сказал «тихо» и посмотрел. Вадик понял его по-своему и подарил ему беруши. Две пары. В пакетике с надписью «Для любимых соседей».

День третий

На третий день Марк поймал себя на страшном.

Он сидел на кухне, пил кофе и постукивал пальцами по столу. Постукивал ровно на двенадцатом такте, там, где Вадик каждый раз ошибался. Пальцы ошибались вместе с ним.

Марк посмотрел на свои пальцы так, будто они его предали. Убрал руку под стол.

Но хуже было с мышами.

Колесо в клетке скрипело всегда. Это был фон его жизни, как гудение холодильника. Но к третьему дню Марк заметил, что Пельмень бегает в колесе не просто так. Он бегал в ритм. Быстрее на припеве, медленнее на куплете. А сёстры Ипотеки на «тс-тс-тс» синхронно кивали.

— Не смейте, — сказал им Марк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.